

Новый раунд борьбы за права сексуальных меньшинств: комментарий к Постановлению Конституционного Суда России от 23 сентября 2014 года № 24-П

Ольга Кряжкова

Настоящая статья посвящена Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации по делу о «запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Данная тема является конфликтной в российском общественном дискурсе и политизированной. Это не могло не повлиять на содержание итогового вывода судебного органа конституционного контроля, а также на характер и способы его аргументации. Вместе с тем отдельные положения Постановления, как и сам факт его появления, обладают правовой и социальной ценностью.

→ *Конституционный Суд Российской Федерации; дискриминация; сексуальные меньшинства; пропаганда; публичные мероприятия.*

Тема прав сексуальных меньшинств во всем своем многообразии относится к числу конфликтных в так называемых традиционных, несовременных обществах¹. По данным ассоциации «Всемирное исследование ценностей», периодически измеряющей состояние взглядов на гомосексуальность, в России в период с 1989 по 2011 год преобладало традиционное видение соответствующих социальных практик как неприемлемых. Вместе с тем отношение к гомосексуальности становилось терпимее от одного периода исследований к другому; на протяжении постсоветских лет в этом вопросе произошел сдвиг в либеральную сторону². Не исключено, что этому способствовало отсутствие законодательно закрепленной отрицательной оценки негетеросексуальных отношений в последние семь лет XX века. До 1993 года дело обстояло иначе. В советском государстве была установлена и применялась уголовная ответственность за мужеложство³.

Ситуация вновь изменилась в 2000-х. Сначала в отдельных субъектах Российской

Федерации⁴, а затем и на федеральном уровне⁵ были приняты законы, запрещающие под угрозой административного наказания деяния, обобщенно именуемые «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», ввиду их якобы отрицательного влияния на формирование личности ребенка. Правоприменительная практика стала постепенно воплощать их в жизнь⁶.

Текущую государственную политику в этой области небеспричинно называют гомофобной⁷ и даже мракобесной⁸. Хотя есть попытки обосновать запрет на распространение информации о гомосексуальности чем-то объективным⁹, более убедительной выглядит версия, что он связан с господствующей в правящих кругах идеологией противостояния Западу и его ценностям¹⁰. Неудивительно, что возникают попытки сопротивляться этой политике. Обращение граждан, испытывавших действие упомянутых законов на себе, в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС России) является правомерным способом такого сопротивления, борьбой, по

Иерингу, за право отличаться от других и не подвергаться при этом дискриминации¹¹. В конечном счете, они способствуют утверждению тех принципов, которые Россия провозгласила основополагающими для себя в Конституции Российской Федерации: права и свободы человека и гражданина как высшая ценность, правовое государство, светское государство и др.

В 2014 году КС России рассмотрел по существу дело о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 КоАП России — одного из тех законодательных установлений, которые запрещают под страхом административной ответственности «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Она была применена против трех граждан, подавших жалобу: Н. А. Алексеева и Я. Н. Евтушенко — за пикет в Архангельске у детской библиотеки с плакатами «Гей-пропаганда не существует!» и «Гейми не становятся, геями рождаются!», Д. А. Исакова — за одиночный пикет в Казани, проведенный, по сообщениям СМИ, на пешеходной улице в историческом центре города¹², с плакатом «Быть геем и любить геев — это нормально. Бить геев и убивать геев — это преступно». Заявители известны как правозащитники, активисты ЛГБТ-движения (заметьте попутно: и являются талантливыми провокаторами). С их позиции, запрет, содержащийся в части 1 статьи 6.21 КоАП России, исключает распространение среди несовершеннолетних любой информации о гомосексуальности, в том числе содержащей лишь утверждение о социальной равноценности близких отношений между людьми одного пола, не имеет под собой разумных оснований, основан на предрассудках, в силу которых негетеросексуальные отношения осуждаются как безнравственные, а следовательно, влечет умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации, а также дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. Нарушенными были сочтены часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17, части 1 и 2 статьи 19, часть 1 статьи 21, части 1, 2 и 4 статьи 29 и часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

О результате разбирательства — Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года № 24-П (далее — Постановление КС России)¹³ —

Н. А. Алексеев отозвался как о «грандиозном прорыве для прав ЛГБТ в России»¹⁴. Оно было изучено автором настоящей статьи, и оснований отзывать о нем столь воодушевленно не найдено. Следует констатировать, что новый раунд борьбы за права сексуальных меньшинств состоялся. Его итог — скорее небольшой шаг в сторону утверждения верховенства права, нежели уверенная победа этого принципа над косными стереотипами. Об этом способны рассказать содержание решения, а также характер и способы его аргументации, что будет изложено в настоящей статье далее. Вряд ли тут есть вина заявителей. Как сказано в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 июня 2014 года)¹⁵, цель деятельности КС России — защита основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (часть 1 статьи 3), и решает он исключительно вопросы права (часть 3 статьи 3). «Быть вне политики, не переходить за границы права — это искусство самой практики конституционного суда. Оно зависит от личных качеств судей, их установок, жизненного опыта, мудрости, совести и даже мужества», — писал один из основоположников российского конституционного правосудия, судья КС России в 1991—2003 годах Н. В. Витрук¹⁶. Благодаря открытым словам другого судьи КС России, Г. А. Гаджиева, стало известно то, о чем раньше можно было судить лишь по косвенным признакам: судебный орган конституционного контроля в настоящее время не склонен принимать решения, «которые расходятся с общим направлением политики государства». Он «должен заниматься точечным исправлением юридических ошибок. В конституционном праве есть принцип: единство государственной воли»¹⁷. О направленности государственной политики в рассматриваемой сфере уже говорилось. Не исключено, что со временем она изменится.

1. Что решил КС России

КС России ожидаемо не отверг оспоренное нормативно-правовое регулирование, возразив заявителям по каждому пункту их «обвинения». Вместе с тем оснований признать

часть 1 статьи 6.21 КоАП России полностью конституционной он также не нашел. Было указано, какая трактовка этой нормы может считаться не противоречащей Конституции Российской Федерации. Главное, на чем в связи с этим сделал акцент судебный орган конституционного контроля: она «не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий, и... не допускает расширительного понимания установленного ею запрета». Как указал КС России, из выявленного конституционно-правового смысла части 1 статьи 6.21 КоАП России следует исходить при применении аналогичных положений иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Тезис о недопущении расширительного понимания запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» более подробно раскрыт в мотивировочной части Постановления КС России. Там содержится своеобразный «чек-лист», следование которому, в представлении судебного органа конституционного контроля, смогло бы помочь судам общей юрисдикции правильно рассматривать дела о привлечении к административной ответственности по данной статье или же об оспаривании действий и решений государственных органов (например, отказывающихся согласовать публичное мероприятие, связанное с тематикой сексуальных меньшинств). Прежде чем принять решение, суд должен оценить, по рекомендации КС России, такие обстоятельства, как характер распространяемой информации о гомосексуальности, ее потенциальную аудиторию, место и время распространения, способ, который избран лицом, распространившим соответствующую информацию (недопустимо это делать бесконтрольно, агрессивно и навязчиво), а также его побудительные мотивы.

Новизна Постановления КС России, как представляется, условная.

Во-первых, Н. А. Алексеев в 2010 году выиграл процесс против Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека (далее — ЕСПЧ). Дело касалось неоднократных запретов проведения московскими властями публичных мероприятий, нацеленных на привлечение общественного внимания к дискриминации сексуальных меньшинств¹⁸. ЕСПЧ счел нарушениями в данном деле статью 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на свободу мирных собраний), а также статьи 13 (право на эффективное средство правовой защиты) и 14 (запрещение дискриминации) во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции.

Во-вторых, резолюция КС России находится в согласии с позицией, которую ранее занял Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС России). Так, в деле 2012 года о признании недействующими отдельных положений законодательства Архангельской области о «запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» он отметил: «...не любые публичные действия могут быть признаны... пропагандой, соответственно, запрет пропаганды гомосексуализма не препятствует реализации права получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о гомосексуальности, проводить публичные мероприятия в предусмотренном законом порядке, в том числе открытые публичные дебаты о социальном статусе сексуальных меньшинств, не навязывая гомосексуальные жизненные установки несовершеннолетним как лицам, неспособным в силу возраста самостоятельно критически оценить такую информацию»¹⁹.

В-третьих, Постановление КС России — не первый случай, когда он вынужден отвечать на вопрос о правовом статусе сексуальных меньшинств в контексте административно-правового запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». До того КС России дважды выносил отказные определения по жалобам, к которым также был причастен Н. А. Алексеев. На них стоит остановиться подробнее.

Хронологически первый судебный акт КС России касался соответствующих норм законов Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и «Об административных правонарушениях». Двое

заявителей — Н. В. Баев и И. Б. Федотова — подверглись штрафу за демонстрацию рядом со зданием школы плакатов с текстами «Гомосексуализм — это нормально» и «Я горжусь своей гомосексуальностью». Н. А. Алексеев же не смог согласовать там шествие и митинг в поддержку толерантного отношения к гомосексуалам. КС России не нашел оснований принять жалобу к производству, установив:

— сам по себе запрет такой пропаганды — как деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений, — среди лиц, лишенных в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить такую информацию, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права граждан;

— оспариваемые законоположения «не закрепляют какие бы то ни было меры, направленные на запрет гомосексуализма или его официальное порицание, не содержат признаков дискриминации, по своему смыслу не допускают избыточные действия органов публичной власти и не могут рассматриваться как несоразмерно ограничивающие свободу слова»²⁰.

Вторым решением КС России отказал Н. А. Алексееву в проверке конституционности положения Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», аналогичного по содержанию вышеуказанным нормам законов Рязанской области. Суд оштрафовал его за демонстрацию плаката со словами «Гомосексуализм — не извращение. Извращение — это хоккей на траве и балет на льду!» у здания Администрации Санкт-Петербурга. По утверждению КС России, обжалованная норма «сама по себе не может рассматриваться как нарушающая права заявителя в указанном им аспекте». При этом судебный орган конституционного контроля учел мнение ЕСПЧ, выраженное в приведенном выше Постановлении по делу «Алексеев против России», о недопустимости различного обращения, основанного исключительно на сексуальной ориентации, и добавил:

«Все лица, вне зависимости от их сексуальной ориентации, находятся под защитой Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина (статья 19, часть 2), а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод»;

«При применении оспариваемой нормы в целях определения того, могут ли те или иные действия рассматриваться как действия, направленные на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, следует учитывать позицию Конституционного Суда Российской Федерации о необходимости разграничения информирования и агитации, согласно которой агитация — в отличие от информирования — представляет собой такую совокупность действий, которая имеет целью побудить или побуждает субъектов правовых отношений к определенному поведению (Постановление от 30 октября 2003 года № 15-П); наличие или отсутствие соответствующей цели подлежит установлению, как и иные фактические обстоятельства, судами общей юрисдикции и (или) иными органами и должностными лицами при оценке тех или иных конкретных действий»²¹.

Зачем вообще потребовалось принимать жалобу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 КоАП России к производству, если у КС России была возможность отклонить ее по мотиву отсутствия конституционно-правовой неопределенности²², и его позиция по вопросу статуса информации о гомосексуальности осталась неизменной? Ответ предположительно кроется в самом начале рассматриваемого судебного акта, и он опять-таки может иметь политическую подоплеку. Отказываясь удовлетворить просьбу Н. А. Алексеева заслушать дело после того, как состоится решение ЕСПЧ по его новым жалобам той же проблематики (это должно вскоре произойти), КС России сообщил ему о субсидиарности ЕСПЧ при разрешении конкретных дел, о невозможности осуществления им проверки внутрисударственного законодательства на предмет его соответствия Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также об отсутствии институциональной и содержательной взаимозависимости постановлений КС России и ЕСПЧ. По всей видимости, в КС России не исключают, что российским юридическим инстанциям еще

придется вернуться к вопросу о статусе лиц негетеросексуальной ориентации, и желательно подготовить почву для вероятного оппонирования ЕСПЧ. Это возможно исходя из нового полномочия КС России давать оценку конституционности нормативного правового акта, применение которого привело к жалобе в межгосударственный орган по защите прав и к дальнейшему удовлетворению ее требований по абстрактным запросам государственных органов или по запросам судов в рамках конкретных дел (пункт 3 статьи 43, часть первая статьи 85, часть вторая статьи 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)²³.

Само по себе Постановление КС России вряд ли способно кардинальным образом поменять правоприменительную практику, выражающуюся в недопущении не только публичных мероприятий в стиле, характерном для западноевропейских столиц (так называемых гей-парадов), но и обычных пикетов с плакатами, содержащими слова «гей», «гомофобия», «гомосексуальность» и т. п. Конечно, сам КС России²⁴ и ВС России²⁵ считают, что итоговые решения о выявлении конституционно-правового смысла нормы влекут последствия, тождественные тем из них, которые признают оспоренные нормы не соответствующими Конституции, если данная в них трактовка отличается от той, которая была принята ранее в судебной практике. Однако российская модель конституционного правосудия имеет специфику: обязанность судов следовать правовым позициям КС России нигде, кроме как в актах самого КС России, не зафиксирована. Отсюда проблема их игнорирования судами²⁶. Но даже если судьи начнут руководствоваться Постановлением КС России, нельзя не принять во внимание, что часть 1 статьи 6.21 КоАП России содержит большое количество оценочных понятий (чему КС России, кстати, не придавал значения). Более того, посредством «уточнения» судебный орган конституционного контроля привнес туда новые оценочные понятия! Их можно применять по усмотрению суда, следовательно, запрещенной пропагандой по-прежнему может быть названо что угодно. Действительность подтверждает правоту этой гипотезы. Московский городской суд утвердил акт суда первой инстанции, отклонившего требо-

вания К. С. Непомнящего, С. А. Михайловой и Н. А. Алексеева признать незаконным отказ Правительства Москвы согласовать проведение неких публичных мероприятий по гомосексуальной тематике. К сожалению, подробности фактического характера (где именно и с какой целью должны были состояться мероприятия) в апелляционном определении отсутствуют. Из контекста можно понять, что это здания, связанные со спортом. Обильно цитируя Постановление КС России, судья Московского городского суда безоговорочно счел несостоявшееся публичное мероприятие пропагандой, которая:

— имеет навязчивый характер (о чем свидетельствовало «намерение заявителей проводить публичные мероприятия практически постоянно, иногда несколько дней подряд, в местах, которые являются местами, открытыми для массового посещения несовершеннолетних»);

— имеет оскорбительную форму подачи информации (заявители хотели «распространять ее в общественных местах, в частности у зданий государственных органов власти, обязанных защищать права несовершеннолетних», тем самым демонстративно отрицая «выполняемую ими общественно значимую функцию по охране детей от информации, которая может причинить вред их здоровью», а также выражая пренебрежение действующим законодательным запретом);

— и является агрессивной (так как «во главу ставится приоритет индивидуальной автономии личности заявителей, их безальтернативная предрасположенность к определенному сексуальному поведению над индивидуальностью ребенка, его свободой самоидентификации»); при этом способ распространения информации — ненадлежащий («не посредством образовательной деятельности»), а мотивы поведения распространителей информации — «не очевидные»²⁷.

2. Как КС России обосновал решение

Из требований жалобы видно, что ключевым вопросом, который стоял перед КС России как перед органом, компетентным проанализировать закон с точки зрения его соответствия Конституции Российской Федерации, был вопрос о том, нарушает ли административно-правовой запрет «пропаганды нетра-

диционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» право распространять информацию о сексуальном самоопределении личности (которое к тому же признано судебным органом конституционного контроля в самом этом решении). Значительную долю мотивировочной части Постановления КС России занимает обоснование правомерности существующего законодательного подхода. Как он это сделал?

Прежде всего, надо заметить, что КС России не подверг сомнению вредность информации о гомосексуальности для ребенка. Даже больше, он не стал скрывать, что, по его мнению, она способна подтолкнуть человека к нетрадиционным сексуальным отношениям, «приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений, как они традиционно понимаются в России» и «может провоцировать социальное отчуждение ребенка и препятствовать его благополучному развитию в семейной среде», поскольку в быту имеет место «негативное отношение отдельных представителей общества к соответствующим лицам».

Решающими, как можно судить по Постановлению КС России, стали для него следующие доводы:

— «семья, материнство, отцовство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании» нуждаются в особой защите со стороны государства, так как являются ценностями, «которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации»;

— в мировом сообществе, равно как и в практике различных национальных конституционно-правовых систем, «отсутствует консенсус относительно понимания пределов как самой по себе сексуальной автономии личности, так и распространения информации, касающейся сексуальных отношений, нормативного определения непристойного поведения, условий и критериев, на основе которого оно может быть признано общественно опасным и подлежит запретительному государственно-правовому воздействию»;

— поскольку ни из Конституции Российской Федерации, ни из принятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропа-

ганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола, «осуществляемое федеральным законодателем регулирование свободы слова и свободы распространения информации не предполагает создания условий, способствующих формированию и утверждению в обществе в качестве равнозначных иных, отличных от общепризнанных, трактовок института семьи и сопряженных с ним социальных и правовых институтов»;

— невзирая на то, что «возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной», рассматриваемый административно-правовой запрет вполне правомерно базируется на презумпции наличия угрозы интересам ребенка.

Примечательно, что КС России прямо отказался давать правовую оценку соразмерности ограничения права распространять информацию о негетеросексуальных отношениях. Он мотивировал это тем, что законодатель избрал определенный возрастной критерий недопустимого адресата информации: «он придает ограничению, предусмотренному частью 1 статьи 6.21 КоАП России, точечный, по существу, характер, что снимает проблему его соразмерности в указанном аспекте».

То, что КС России в центральной части своего решения дистанцируется от понимания прав сексуальных меньшинств, сложившегося в государствах — членах Совета Европы, выходя на планетарный уровень обобщения, отталкивается от «традиций, сложившихся в российском обществе», в том числе религиозных, и от презумпции, основанной на неverifiedированных данных, не способствует оценке Постановления КС России как юридически безупречного и даже убедительного. Судебный орган конституционного контроля предстает в этом смысле не защитником Конституции Российской Федерации как выражения ценности права, а, скорее, охранителем не сформулированных с достаточной определенностью «традиционных ценностей»²⁸. Не исключено, что зыбкость подобного обоснования осознается и в самом КС России. Своеобразной попыткой оправдаться выглядят в связи с этим рассуждения В. Д. Зорькина на Третьем конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию (Республика Корея, Сеул, 28 сентября — 1 октября

2014 года) насчет того, что у верховенства права должны быть пределы, положенные так называемой социальной нормой: «...следует исходить из того, что социальная норма — это то, что способствует сохранению и развитию человеческого рода. Все, что наносит ущерб этой цели, можно рассматривать как отклонение от социальной нормы, даже в том случае, когда сравнительно небольшие масштабы таких отклонений создают видимость “нормальности”». Правовой смысл административно-правового запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» заключается, по мнению В. Д. Зорькина, в том, «чтобы обозначить понимание отклоняющегося характера подобного типа поведения. И, соответственно, заявить позицию российского законодателя по вопросу о границах толерантности со стороны государства к социальным отклонениям в данной сфере»²⁹.

3. Что полезного в Постановлении КС России (вместо заключения)

Ранее в статье было сказано, что Постановление КС России являет собой небольшой шаг в сторону утверждения верховенства права. Что именно в нем демонстрирует это?

Во-первых, сформулировано такое субъективное право человека в сфере частной жизни, как свобода сексуального самоопределения. Это все же не тождественно декриминализации гомосексуальных контактов в 1993 году. В этой части Постановление КС России предстает примером судебного акта, признающего новое неписаное конституционное право; это вряд ли произошло бы, если бы законодатель не ввел соответствующее административно-деликтное регулирование. Тем самым подтверждается правота умозаключения А. В. Должикова: «Новые неписанные конституционные права получают свое нормативное оформление в связи с введением законодателем соответствующих ограничений или формированием таких фактических социальных условий, которые представляют собой посягательство на свободу личности в определенной сфере. Раньше такие сферы жизнедеятельности, как правило, не были самостоятельным предметом конституционного регулирования или конституционной судебной практики»³⁰. Разумеется, такое призна-

ние права означает выполнение государством своей прямой обязанности, установленной статьей 2 Конституции Российской Федерации, и в полной мере согласуется с целями деятельности КС России³¹.

Во-вторых, «группа лиц с определенной сексуальной ориентацией» признана социальной группой в смысле принципа юридического равенства (часть 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации). Согласно УК России, совершение преступления по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы признается обстоятельством, отягчающим наказание (пункт «е» части 1 статьи 63). Так что для тех, кто настроен против лиц с негетеросексуальной ориентацией и готов выражать свою агрессию вовне, появляется сдерживающий стимул.

В-третьих, положителен сам факт возникновения судебного решения на столь неоднозначно воспринимаемую в обществе тему. Его, в частности, можно использовать в процессе преподавания юридических дисциплин в высших учебных заведениях, для повышения квалификации судей и других практикующих юристов. Опора на Постановление КС России позволит рационализировать вопрос прав сексуальных меньшинств. Думается, что зафиксированного социологами тренда российского общественного мнения на повышение толерантности к негетеросексуалам³² оно, при всех своих недостатках, не переломит.

Ольга Николаевна Кряжкова — доцент кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

kryazhkova@inbox.ru

¹ См. подробнее: Белов С. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 39.

² См.: Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. 2014. № 613—614. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/s_map.php#1 (дата обращения: 11.12.2014).

- ³ См. подробнее: *Кротов А.В.* Правовое регулирование традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений в российском обществе // Законодательство и экономика. 2014. № 7 (цит. по тексту, размещенному в СПС «КонсультантПлюс»).
- ⁴ См.: Закон Рязанской области от 3 апреля 2006 г. № 41-ОЗ «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области» // Рязанские ведомости. 2006. 11 апреля; Закон Архангельской области от 30 сентября 2011 г. № 336-24-ОЗ «О внесении изменений и дополнения в областной закон “Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области”» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2011. № 24; Закон Костромской области от 15 февраля 2012 г. № 193-5-ЗКО «О внесении изменений в Закон Костромской области “О гарантиях прав ребенка в Костромской области” и Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» // СП — нормативные документы. 2012. № 6, и др. Правда, в 2013–2014 годах многие из них были изменены: соответствующие статьи законов об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации признаны утратившими силу. По состоянию на 1 декабря 2014 года они есть лишь в Калининградской и Самарской областях.
- ⁵ См.: Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 26. Ст. 3208. Данный закон поместил в КоАП России статью 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних».
- ⁶ По данным СПС «КонсультантПлюс» на 1 декабря 2014 года, только Московский городской суд сослался на статью 6.21 КоАП России в 107 судебных актах. Дела преимущественно касались публичных мероприятий в поддержку прав гомосексуалов, которые не состоялись ввиду отказа московских властей согласовать их проведение, и окончились не в пользу сторонников данных мероприятий.
- ⁷ См.: *Епифанова М., Хачатрян Д.* Секс в законе // Новая газета. 2014. 10 ноября.
- ⁸ См.: *Кондрашев А.А.* Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47 (цит. по тексту, размещенному в СПС «КонсультантПлюс»).
- ⁹ См.: *Дьяченко А.П., Цымбал Е.И.* Социальная обусловленность запрета пропаганды гомосексуализма // Lex russica. 2013. № 11. С. 1216–1223.
- ¹⁰ См.: *Кротов А.В.* Указ. соч. См. также: *Мовчан А.* Россия и Запад: кто моральнее? URL: http://slon.ru/russia/rossiya_i_zapad_kto_moralnee-1114248.xhtml (дата обращения: 11.12.2014).
- ¹¹ См.: *фон Неринг Р.* Борьба за право. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1874.
- ¹² URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/gey-aktivista-podozrevayut-v-organizacii-nezakonnogo-piketa-s-uchastiem-detey.html> (дата обращения: 11.12.2014).
- ¹³ Постановление КС России от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.
- ¹⁴ Николай Алексеев: «Решение Конституционного Суда РФ не позволит запрещать гей-парады». URL: <http://www.gayrussia.eu/russia/10027/> (дата обращения: 11.12.2014).
- ¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2014. № 23. Ст. 2922.
- ¹⁶ *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 146.
- ¹⁷ Судья Гадис Гаджиев: «Мы собрались вечером, действительно, без мантий» // Новая газета. 2011. 17 июня.
- ¹⁸ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Алексеев против России» (*Alekseyev v. Russia*) от 21 октября 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс».
- ¹⁹ Определение ВС России от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11 // СПС «КонсультантПлюс».
- ²⁰ Определение КС России от 19 января 2010 г. № 151-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексеева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязан-

- ской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
- ²¹ Определение КС России от 24 октября 2013 г. № 1718-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // СПС «КонсультантПлюс».
- ²² См. подробнее: *Блохин П. Д., Кряжкова О. Н.* Как защитить свои права в Конституционном Суде: Практическое руководство по обращению с жалобой в Конституционный Суд России. М.: Институт права и публичной политики, 2014. С. 79–100.
- ²³ См.: *Кряжков В. А.* Законодательство о Конституционном Суде РФ: новеллы 2014 года // Государство и право. 2014. № 12. С. 38–41; *Кряжкова О. Н.* Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 43–45.
- ²⁴ См.: Определение КС России от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 48. Ст. 5722, и др.
- ²⁵ См.: Подпункт «в» пункта 11 Постановления Пленума ВС России от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. 2012. 21 декабря.
- ²⁶ См.: информационно-аналитические отчеты об исполнении решений КС России, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2013, 2012, 2011 годах. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.12.2014). Показательный пример дает также Постановление КС России от 18 сентября 2014 г. № 23-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» в связи с жалобой гражданина А. А. Планкина // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 39. Ст. 5309.
- ²⁷ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 октября 2014 г. № 33-33997. URL: <http://mos-gorsud.ru/inf/infaga/?pn=145&year> (дата обращения: 11.12.2014).
- ²⁸ Автор разделяет критику С. А. Белова в адрес КС России, отдающего в ряде случаев предпочтение ценностному подходу при аргументации своих решений в ущерб рационально-логическому, и видит в этом отход от правовой природы и предназначения судебного органа конституционного контроля в правовом государстве (см.: *Белов С.* Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 140–150).
- ²⁹ *Зорькин В. Д.* Проблемы социальной интеграции в глобализованном мире. URL: <http://www.jupiter-center.info/problemu-sotsialnoj-integratsii-v-globalizovannom-mire/> (дата обращения: 11.12.2014). См. также: *Родин И.* Зорькин вынес приговор либерализму-гомосексуализму // Независимая газета. 2014. 2 октября.
- ³⁰ *Должиков А. В.* «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 137.
- ³¹ См.: *Гаджиев Г. А.* Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Ч. 1 // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10.
- ³² См.: *Фабрикант М., Магун В.* Указ. соч.